
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ДИАПАЗОН ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЭМОЦИЙ

Аннотация. Статья посвящена проблеме, связанной с классификацией эмоций. Этому вопросу в своё время уделили внимание многие видные философы, в том числе Аристотель, Декарт, Кант, Ницше и другие. Однако в течение нескольких веков эти переживания рассматривались не сами по себе, автономно, как выражение душевных глубин человека, а как фрагмент познавательной деятельности людей. В истории философии мысль занимала любознательнее больше, чем эмоция. Это создавало определённый перекося в толковании человека. Можно полагать, что искусство компенсировало эту недостаточность при постижении философско-антропологических проблем. Однако только за последние десятилетия наметился некоторый поворот в сторону не рассудочной, а эмоциональной активности людей.

В статье использована методология философской антропологии. Подход к проблеме через призму человеческой природы даёт более ясное представление о проблеме.

В психологии существует деление на базовые и не базовые чувства. Однако реестр чувственных состояний у разных мыслителей оказывается неодинаковым: одни исходят из цифры 6, другие – 7, а, в конечном счёте, перечисление эмоций оказывается несоизмеримым. Обсуждаются новые и новые реестры. В статье даётся критический анализ этому количественному подходу к рассмотрению эмоционального мира человека. Впервые в отечественной литературе отмечается, что деление на положительные и отрицательные эмоции чрезвычайно условно. Автор также рассматривает такое свойство эмоций как сила переживаний.

Ключевые слова: чувство, эмоция, переживание, диапазон, познание, страсть, душа, интерес, удивление, гнев.

Abstract. The article is devoted to the problem related to classifications of emotions. Many famous philosophers including Aristotle, Descartes, Kant, Nietzsche and others paid attention to that issue. However, for many centuries emotional experience was viewed as part of cognitive activity but not autonomous expressions of human spirit. Philosophers cared more about the process of thinking rather than the process of feeling. That created obvious differences in interpretations of human and human mind. It can be believed that art covered that gap in philosophical and anthropological research. However, it is only the last decades that have shown the turn towards studying emotional but not cognitive activity of people. In his research Gurevich has used the methodology of philosophical anthropology. According to the author, the approach to the problem from the point of view of human nature may provide a better understanding of the problem. Psychologists divide feelings into basic and non-basic feelings. However, the range of emotions and feelings is quite different in different studies. Some researchers say there are 6 basic emotions, others speak about 7 basic emotions while it is almost impossible to actually count emotions. The author of the present article also discuss new classifications and gives a critical analysis of the above mentioned quantitative approach to studying the emotional world of human. For the first time in the academic literature the author emphasizes the conditional nature of the division of emotions into positive and negative ones. The author also focuses on such feature of emotions as their depth (intensity).

Key words: anger, surprise, interest, soul, passion, cognition, range, experience, emotion, feeling.

Моцарт в трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери» мелодические и гармонические находки называет мыслями. Наверное, на самом деле он имел в виду творческое озарение, развертывание замысла. Развитие темы, как и захваченность эмоциями, – сходный процесс:

«...Намедни ночью
Бессонница моя меня томила,
И в голову пришли мне две, три мысли.
Сегодня я их набросал. Хотелось
Твоё мне слышать мнение...».

Исследователи считают, что неизмеримый мир человеческих эмоций на самом деле можно свести

к незначительному ряду базовых состояний. Часто называют семь основных эмоций: интерес, радость, печаль, злость, отвращение, страх и удивление. Насчёт, например, печали более или менее всё ясно. А. Блок пишет: «Ловя мгновенья сумрачной печали...». Но у А. Пушкина печаль названа иначе: «Мне грустно и легко; печаль моя светла, печаль моя полна тобою». Здесь никакой сумрачности нет. А, впрочем, сумрачность – это, возможно, особое состояние. Кстати, писатель Олег Битов вместо слова «печаль» употребил другое, которое показалось ему более точным: «замутненность».

Или, допустим, удивление. О нём писал еще Аристотель. Но не столько в русле переживаний, сколько в процессе познания. К тому же Р. Декарт развил мысль Аристотеля, указав, что познание вообще начинается с удивления. Он даже поставил его на первое место среди шести (цифра Декарта) основных эмоций. Французский философ причислил удивление к статусу страсти, тем самым обозначив наполненность и глубину этой эмоции. Хотя это переживание базовое, но относится оно скорее к познавательной сфере.

Удивление, как и всякая эмоция, обогащает человека. Вот И. Кант и пишет: «Но в нашей душе есть нечто такое, что если мы в него хорошенько всмотримся, мы уже не перестанем рассматривать с величайшим удивлением, а ведь когда удивление правомерно, то оно возвышает душу» [3, с. 52]. Однако предложение Канта хорошенько всмотреться в человеческую душу всё-таки у него мало соотносится с эмоциями. Он отмечал, что «чувство совершенно ничему не учит, но заключает в себе лишь тот способ, каким субъект испытывает воздействие в отношении своего удовольствия или неудовольствия, на чём никакое познание основываться не может» [3, с. 121]. Словом, удивление скорее относится к так называемым интеллектуальным чувствам. Поэтому в палитре базовых эмоций скорее является фрагментом познания, нежели отражением душевного потрясения. Именно поэтому удивление не имеет состояния, которое можно обозначить как противоположное. В этом существенная особенность удивления как эмоции. Безразличие, незаинтересованность на статус страсти не тянет. Этим словом чаще всего можно обозначить истощение эмоционального состояния, выход за его пределы. У С. Есенина есть такие строчки:

*«Где моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств?».*

Безразличие, понятное дело, не отнесёшь к половодью чувств. Но разве наша эмоциональная жизнь имеет столь узкий ресурс? Психологи ут-

верждают, что, разумеется, спектр наших эмоциональных переживаний гораздо богаче. Но другие состояния рождаются путём скрещивания, наложения одной базовой эмоции на другую. Допустим, ненависть – это растворение злости и страха. Именно поэтому американский психолог К. Изард предложил более развёрнутый список фундаментальных эмоций. Так, он выделил страдание как отрицательное эмоциональное состояние, связанное с полученной информацией о возможности и невозможности удовлетворения важнейших жизненных потребностей.

Смысл страдания раскрыт в данном случае не полностью. Существует, согласно Ф. Ницше, мораль добровольного страдания, которая не позволяет назвать эту эмоцию только отрицательной. Он пишет: «Какое может быть высшее наслаждение для людей той маленькой, воинственной, постоянно находящейся в опасности общины, где царит самая строгая нравственность... Жестокость принадлежит к древнейшим праздникам человечества. Тогда думали, что даже и боги наслаждаются и радуются жестокими сценами, устраиваемыми человеком, – и таким путём незаметно проникло в мир представление, что *добровольное страдание*, самоистязание имеет какую-то цель» [6, с. 15]. Страдание, размышляет Ницше, для многих открывает более глубокий мир правды, чем всякий другой мир. Подверженные этому чувству люди полагают, что невозможно жить без страданий, без этого возвышающего чувства. Немецкий философ часто анализировал страдание. Что касается сострадания (вроде бы положительной эмоции), то Ницше, напротив, полагал его недостойным сильной и грозной души.

Разумеется, такое отношение к страданию характерно не только для Ф. Ницше. В романах австрийского писателя Леопольда Захер-Мазоха «Венера в мехах», «Демонические женщины» раскрыта драматургия наслаждения и мучений. С потрясающей психологической силой писатель показывает, как мужчины слабеют под гнётом собственной страсти и становятся покорными рабами женщин. Но этот добровольный плен не только не тяготит героев. Напротив, они испытывают наслаждение от тех нравственных и физических мучений, которым подвергают их жестокие возлюблённые [2]. Страдание, вызванное невозможностью удовлетворения страсти, оказывается не столько отрицательной, сколько положительной эмоцией. Да и стресс в этом случае не совсем печальный.

Цицерон полагал, что гнев как эмоция отражает скорее безумие, нежели норму эмоциональной жизни. Здесь приходится уже разделять

чувства на спокойные и беспокойные. Римский философ Сенека пишет: «Ты просил меня написать, как справляться с гневом. Просьба твоя оказалась мне основательной: нам следует бояться гнева больше, чем всех прочих чувств, волнующих нашу душу, как самого отвратительного и самого неукротимо буйного. В самом деле, все остальные чувства наши хоть временами бывают спокойными и мирными, но гнев – это всегда возбуждение, раздражение, взрыв, неистовая, нечеловеческая жажда оружия, крови, казни, гневу безразлично, что станет с ним самим, лишь бы навредить другому, он лезет на рожон, горя желанием отомстить, во что бы то ни стало, хотя бы ценой жизни мстителя» [7, с. 20].

Ницше тоже сетовал на то, что возвышение чувств, под которым он понимал более сложное эмоциональное образование, рождает подозрение, словно они связаны с безумием и бессмыслицей. Такие эмоциональные состояния с трудом поддаются очищению. Оно происходит предельно медленно. При этом Ницше пытался «оправдать» гнев, не причислять его к негативным эмоциям. Он писал: «Иудеи понимали гнев иначе, и называли его священным; мрачное величие гнева человека представлялось им стоящим на такой высоте, какую европеец не может представить себе; своего гневного Иегову они создали по своим гневным пророкам» [6, с. 27]. В церковном сознании тоже отмечается праведный гнев как мудрая сила. Не всегда гнев оказывается отрицательной эмоцией, поскольку выполняет порой благородную миссию: борьбы против греха, против несправедливости.

Таким образом, Ницше ставит проблему историко-культурного анализа чувств. Они вовсе не являются неоспоримой антропологической данностью. В одной культуре, скажем, в античной, гнев осуждается как страсть, предлагается психологическая техника, позволяющая контролировать и обуздывать эту эмоцию. В другой культуре, например, иудейской, согласно Ницше, гнев оказывается благородной и пророческой страстью. История даёт внушительные примеры благородного гнева, а искусство воплощает эту страсть в многочисленных образах.

Список литературы:

1. Гуревич П.С., Спирина Э.М. Грани человеческого бытия. М.: ИФ РАН, 2016. 174 с.
2. Захер-Мазох Л. Венера в мехах. Демонические женщины / Отв. ред. П.С. Гуревич. М.: Республика, 1993. 368 с.
3. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М.: ЧОРО, 1994. С. 5-223.
4. Крафт-Эбинг Р. Половая психопатия с обращением особого внимания на извращение полового чувства. М.: Республика, 1996. 591 с.
5. Кристева Ю. Силы ужаса, эссе об отвращении / Пер. с фр. А. Костиковой. Харьков: Ф-Пресс, ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2003. 256 с.

К. Изард называет также такое отрицательное эмоциональное состояние, как отвращение. Эта эмоция захватывает не только мир человеческих переживаний, оно соотносится ещё и с физиологией. Когда индивид вступает в соприкосновение с некоторыми объектами, с определёнными идеологическими, нравственными или эстетическими принципами, совершенно неприемлемыми для него, он испытывает отвращение. Французская писательница Юлия Кристева много лет пишет об отвратительном как о понятии, но затрагивает при этом и эмоциональный аспект темы. Отвратительное она рассматривает на пересечении психоанализа, антропологии, истории религий и литературоведения [5]. Для Кристевой данная эмоция становится универсальным принципом. Она толкует отвращение как прародительницу всех вещей. Таким образом, это не просто эмоция, а определенная практика нашего существования. Испытывая отвращение, человек достигает низшего предела своего бытия.

Эссе Ю. Кристевой оставляет двойственное впечатление, если говорить о феноменологии такого чувства, как отвращение. Она пытается придать этому переживанию бытийный характер. По мнению Ю. Кристевой, жизнь человека начинается с отвращения. Этот болезненный опыт получает младенец, отторгая предлагаемую ему реальность. Но с таким же правом можно считать изначальным и положительный опыт младенца, ощущаемую им теплоту, ласку или вкусное молоко. Разумеется, если искать истоки отвращения в первоначальном акте появления на свет, то отвращение будет вызывать разрыв с материнским телом. Но отторжение от тела матери рождает у ребёнка множество эмоций, не только отвращение. Конечно, это болезненный и травматичный опыт. Однако он не исчерпывается только отвращением. Работы английских психоаналитиков раскрывают целую гамму чувств новорожденного. Поэтому не стоит считать, что встреча ребёнка с нашим миром является только позорной, аналогом бесформенного и безобразного начала, которое оказывается фундаментом многих культурных смыслов.

Другие базовые эмоции: страх, стыд, вина, злость, радость, – оставим для последующего анализа.

6. Ницше Ф. Утренняя заря. Мысли о моральных предрассудках. Свердловск: Воля, 1991. 304 с.
7. Сенека Луций Анней. Философские трактаты / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. Т.Ю. Бородай. СПб.: Алетея, 2001. 400 с.

References (transliterated):

1. Gurevich P.S., Spirova E.M. Grani chelovecheskogo bytiya. M.: IF RAN, 2016. 174 s.
2. Zakher-Mazokh L. Venera v mekhakh. Demonicheskie zhenshchiny / Otv. red. P.S. Gurevich. M.: Respublika, 1993. 368 s.
3. Kant I. Religiya v predelakh tol'ko razuma // Kant I. Sobr. soch.: v 8 t. T. 6. M.: ChORO, 1994. S. 5-223.
4. Kraft-Ebing R. Polovaya psikhopatiya s obrashcheniem osobogo vnimaniya na izvrashchenie polovogo chuvstva. M.: Respublika, 1996. 591 s.
5. Kristeva Yu. Sily uzhasa, esse ob otvrashchenii / Per. s fr. A. Kostikovoi. Khar'kov: F-Press, KhTsGI; SPb.: Aleteiya, 2003. 256 s.
6. Nitsche F. Utrennyaya zarya. Mysli o moral'nykh predrassudkakh. Sverdlovsk: Volya, 1991. 304 s.
7. Seneka Lutsii Annei. Filosofskie traktaty / Per. s lat., vstup. st., komment. T.Yu. Borodai. SPb.: Aleteiya, 2001. 400 s.